

В.И. Коровин

[Фамусовская Москва]

<...>

До Грибоедова правилам трех единств следовали, потому что они дисциплинировали художественную мысль. Грибоедов же стремился мотивировать и объяснить каждое правило содержанием своей комедии. Так, единство действия (требование одной коллизии, одного конфликта) обусловлено непримиримым столкновением Чацкого с обществом и с его главными действующими лицами (Софьей, Фамусовым, Молчалиным). Единство места понадобилось Грибоедову потому, что конфликт происходит в доме Фамусова, символизирующем всю дворянскую Москву. И единство времени также получает свое оправдание: три года странствовал Чацкий, а мало изменился, остался прежним благородным, увлеченным, задорным молодым человеком, несколько не повзрослевшим. Но один день в доме Фамусова открыл ему такое знание о мире, о людях, которое до этого дня было ему недоступно. Он сразу стал взрослым, возмужал, стал более трезвым и менее восторженным.

И все-таки пружина интриги вполне традиционна. Чацкий, благородный молодой человек, ведущий свободную жизнь (он нигде не служит, хотя был офицером и состоял при неких министрах), независимый от старых нравственных догм, патриотически настроенный, неожиданно возвращается в Москву, в которой многое переменялось, а многое осталось прежним. Сам же Чацкий не изменился: он по-прежнему столь же пылок, столь же горяч. Как и раньше, он влюблен в Софью, с которой вместе воспитывался в доме Фамусова. Разлука усилила его чувства. Он полон радостных ожиданий и не сомневается, что и Софья сохранила любовь к нему. Оживленный, в приподнятом настроении, он предается воспоминаниям о том, как раньше проводил время в Москве, в доме Фамусова, перебирает знакомых и шутит. В его речах нет злобы:

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.

Он готов если не обрадоваться, то смиренно терпеть московских знакомых такими, каковы они на самом деле и какими он их оставил:

Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротись домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

Чацкий уверен, что Москва не изменилась:

Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах,
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

И все-таки перемены в Москве произошли. Софья не выказывает истинной радости при появлении Чацкого, хотя из светской вежливости говорит в ответ на его упреки: «Ах! Чацкий, я вам очень рада».

<...>

Тема безумия от любви, сначала игривая, легкая в словах Лизы, постепенно получает зловещий оттенок: быстро распространяется слух, что Чацкий — сумасшедший в кругу истинно умных людей, таких, как Фамусов, Хлестова, князь Петр Ильич Тугоуховский, графиня-внучка Хрюмина. Этот слух обрастает подробностями, отыскиваются подлинные причины умопомрачения Чацкого, а Фамусов даже приписывает себе первенство в обнаружении самого факта («Я первый, я открыл!»). Так возникает тема «умного

безумца». Сумасшедшим кажется Чацкий московскому фамусовскому кругу. «Безумным вы меня прославили всем хором», – говорит он. Но и Чацкому, «умнику» в комедии и человеку незаурядного ума, каким его замыслил Грибоедов, фамусовский мир тоже кажется безумным. Завершает комедию тема мнимого безумия от недюжинного ума, который отвергнут миром. Причем герой считает этот мир поистине нелепым и безумным. Так обе стороны конфликта — фамусовская Москва и молодой человек, отвергающий отжившие, по его мнению, представления, — сталкиваются в непримиримом противостоянии, в ходе которого не может быть достигнуто согласие. Конфликт неминуемо из комического перерастает в трагический.

Московский круг замкнут, отгорожен от России и, конечно, от мира. Следовательно, новые правила, новые понятия о жизни Чацкий мог узнать лишь за его пределами, странствуя по свету и общаясь с другими людьми. Сила Чацкого — в свежести впечатлений, в независимости мысли, в нетерпимости и пылкости, с какими он отстаивает свои убеждения, невзирая на лица и на обстоятельства, которые могут ему повредить. Слабость — в той же нетерпимости, в той же пылкости, которые мешают ему обдумать поступки, трезво взглянуть и на свою любовь, и на роль просвещения, знаний, и на барскую Москву. Могущество Москвы — в сплоченности, несмотря на мелкие, незначительные споры и распри друг с другом, несмотря на зависть и суету, в единообразии уклада и в единомыслии. Скрепляющее московских бар средство — сплетня, доходящая до нелепости. Хлестова и Фамусов схлестнулись в споре о том, сколько душ у Чацкого — три или четыре сотни. Загорецкий, услышав о сумасшествии Чацкого, тут же придумал невероятную историю: «Его в безумные упрятал дядя-плут... // Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили». Когда же ему возражают, что Чацкий «сейчас» был в комнате, он, нисколько не смущаясь, продолжает гордо произносить: «Так с цепи, стало быть, спустили». Особенность поведения гостей в доме Фамусова — вера в любой и каждый пущенный слух, если он в чем-то ущемляет достоинство или права человека, касается это физических или душевных качеств. Потом москвичи могут и пожалеть больного или не добившегося успеха человека, как жалеют Чацкого Фамусов и Хлестова. Но сначала в нем непременно надо отыскать какие-либо недостатки, вдоволь насладиться ими и посмаковать. Каждое замечание, большей частью лживое и надуманное, принимается всерьез и всерьез обсуждается. Загорецкий выдумывает, будто Чацкий «в горах изранен в лоб, сошел с ума от раны», Хлестова предполагает: «Чай, пил не по летам», Фамусов, претендуя на первенство, находит более веские причины — наследственность («По матери пошел... // Покойница с ума сходила восемь раз») и познание («Ученье — вот чума, ученость — вот причина...»). Какая бы ни была разноголосица во мнениях, мысль о сумасшествии Чацкого уже овладела всеми. Причины могут быть разными, версий безумия может быть множество, но несомненным остается сам факт безумия. Собственное мнение ценится лишь постольку, поскольку оно подтверждает общее. Иначе говоря, личность имеет значение лишь в том случае, если держится тех же взглядов, что и большинство.

<...>

...Слухи по-прежнему создают общественное мнение, которое управляет старой столицей.

Конечно, и в Москве многое меняется, причем и в ту сторону, куда смотрит Чацкий, и в ту, куда смотрит Фамусов. Чацкому известно об этом, как и другим персонажам «Горя от ума». Гости Фамусова рассуждают о появлении пансионов, школ, гимназий, «ланкарточных» учебных заведений, о том, что даже их родственники (двоюродный брат Скалозуба, князь Федор, племянник княгини Тугоуховской) посвятили себя наукам и искусствам, читают книги и становятся ревнителями просвещения. Таких молодых людей (внесценических персонажей, упомянутых в комедии), принадлежащих к поколению Чацкого и разделяющих его образ мысли и общественное поведение,

еще немного. Но они уже появились, и Чацкий, испытывая законную гордость, защищает их от нападок Фамусова и его круга:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! <...>

Есть, однако, перемены и другого рода: Чацкий и Фамусов недовольны французскими модами, Кузнецким мостом с его иностранными лавками, душным, оторванным от национальных корней воспитанием детей из дворянских семейств, бездумным, рабским, слепым подражанием иностранному в одежде, в нравах, в быту, в языке, в обычаях. Для Чацкого засилье иностранной моды — отказ от самобытности, от самостоятельности русского ума. Для Фамусова мода — знак ненавидимой им новизны. Фамусов враждебен новой Москве и всему новому независимо от того, дурно оно или хорошо.

Именно Фамусов — главный антагонист Чацкого — вместе с гостями, со множеством внесценических персонажей олицетворяет Москву, а дом Фамусова — это и есть Москва в миниатюре. Здесь господствует старый уклад, старые обычаи и старые нравы. Во главе дома стоит совсем не глупый, но легковёрный отец (таково сценические амплуа Фамусова). В доме его обманывают все — и слуги, и дочь. В своих речах Фамусов выглядит недалеким поборником старого уклада. Но это обманчивое впечатление: Фамусов умен, недаром его речь метка и афористична. Суть в другом — почему умный человек выглядит глупцом и кажется таким? Да потому, что он держится отживших нравственных правил, сознательно, по собственной воле, исповедует ушедшую в прошлое мораль и пытается сохранить свою московскую утопию.

По его мнению, Москва — особый город, особый угол империи, непохожий на остальную Россию. «А, батюшка, — обращается он к Скалозубу, — признайтесь, что едва // Где сыщется столица, как Москва». В своем монологе (д. II, явл. 5) Фамусов на все лады расхваливает московское дворянство, его хлебосольство и гостеприимство (часто беспринципное: «Хоть честный человек, хоть нет. // Для нас ровнехонько, для всех готов обед»), старичков, сыновей и внучат, которые «в пятнадцать лет учителей научат», дам, способных заседать в Сенате и командовать войсками, благонаравных дочек. Словом, — «На всех московских есть особый отпечаток». Этот особый отпечаток — в известной независимости суждений, в неумелой, но пустой, никуда не ведущей и ничего не предлагающей оппозиционности Петербургу («поспорят, пошумят и... разойдутся»), в дворянской спеси («Ведь столбовые все, в ус никого не дуют...»). В последнем действии комедии Фамусов не знает, что делать: предать ли домашний случай «государственной» огласке («В Сенат подам, министрам, государю») или, напротив, скрыть, так как боится московской молвы и княгини Марьи Алексеевны. В конце концов он склоняется к последнему, потому что мнение Марьи Алексеевны и Москвы перевешивает мнение царя и Петербурга. Москва имеет свой голос, но он направлен в защиту старого порядка и враждебен всякой новизне. Дворянская Москва поклоняется чину и богатству. Она подчиняется общему мнению, каким бы вздорным оно ни было. Личность признается в ней личностью постольку, поскольку она согласна с Москвой. Московское общество приводит все мнения к одному, допуская разногласия по мелочам. Главное, что Чацкий безумен, а вследствие каких причин он сошел с ума — уже не столь важно. Главное, что Чацкий небогат, а сколько у него душ крепостных — 300 или 400 — предмет частного, хотя и досадного препирательства между Фамусовым и Хлестовой.

Москва, таким образом, стремится обезличить людей, лишить их личного мнения. Москва, наконец, живет родственными и дружескими связями. В старой столице торже-

ствует круговая родственно-дружественная порука, а не дело. И потому прислуживание выше службы.

В монологах Фамусова, в репликах других лиц, в поведении Молчалина, Репетилова появляются признаки идеального прошлого, которое Фамусов стремится сохранить в неприкосновенности. В его голове возникает ретроградно-утопический образ стародавней Москвы с ее закостенелыми порядками и нравственными нормами, когда угодничество ради доходного места считалось верхом ума и высшей доблестью. Понятно, что желание «законсервировать» старый уклад утопично. Но его нельзя недооценивать. Опасность неподвижности Грибоедов представил самым положением Фамусова, который выведен героем, соединяющим в одну цепь Максима Петровича (идеальный прообраз) и Молчалина (двойника и сюжетную тень Фамусова). Так как косность, неподвижность становится основным устремлением Фамусова и его гостей, а неподвижность и косность могут быть удержаны только невежеством, то главным врагом Фамусова становятся ученье, просвещение:

Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

В этом пункте с Фамусовым согласны все: Хлестова, княгиня Тугоуховская, Скалозуб, Загорецкий. Главное «зло» — в книгах:

Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Из всего этого ясно видно, что в осуждаемой Чацким косности и неподвижности заключена мощная отрицательная сила Фамусова и московского общества. Люди фамусовского круга при чувстве опасности тут же объединяются и выступают против Чацкого. Они чувствуют исходящую от Чацкого угрозу своим интересам и стремительно, мгновенно сплываются, чтобы с беспощадностью отстаивать свои выгоды. Сила быта подавляет не только личность, но и силу добра, которое оказывается хрупким и незащищенным. Это одна сторона фамусовского мира.

Другая заключена в его приспособляемости. Время не стоит на месте, и Москва меняет свой вид, меняет нравы. В ней появляются молодые люди, протестующие против устаревших обычаев, ратующие за службу делу, а не лицам. Они хотят служить не ради чинов и наград, а для блага и пользы Отечества, содействовать успехам просвещения. А чтобы служить с толком, они черпают знания из книг, удаляются от света и погружаются в учение и в размышление.

Они, наконец, странствуют, чтобы лучше узнать мир. Эти новые лица представляют для Фамусова и фамусовской Москвы серьезную опасность, потому что они разрушают старый уклад. Фамусов и его общество вынуждены приспособляться к изменениям, если они намерены выжить в складывающихся новых условиях. Лучшие, идеальные времена Максима Петровича и Кузьмы Петровича для фамусовского круга прошли, но заветы предков памятны и святы. Фамусов, конечно, не думает сдаваться и обладает еще значительной силой. На стороне Фамусова оказывается та часть молодого московского поколения, которая предпочла, в отличие от Чацкого, старые порядки новым. Так что у Фамусова еще есть будущее. Если Чацкий разрывает со своим прежним окружением и покидает фамусовское общество, то Молчалин, напротив, стремится войти в него. А это значит, что фамусовская Москва молодеет. В нее вливаются свежие силы, способные постоять за косные порядки и нравственные нормы.